

классика детектива

Боб Грей

Особые услуги
мистера
Балдмэна

16+

Боб Грей

Особые услуги мистера Балдмэна

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51608462

SelfPub; 2020

Аннотация

Повесть была опубликована в 1964 году в сборнике избранных произведений американского писателя Роберта (Боба) Грея. Ее особенность – в изобилии загадок, разбросанных по всему произведению, и стройный сюжет, когда ответ на главную загадку появляется лишь в самом конце повести. Именно этот "фирменный" прием отличал Боба Грея от его коллег по жанру. Рассказы писателя, также представленные в сборнике, публиковались в различных газетах, что и определяло их объем. Среди них есть как "чистые" детективы, так и криминальные истории, где нет расследования, но есть само преступление. Объединяет их, вне зависимости от поджанра, ирония и мягкий юмор. К сожалению, в конце 1970-х годов Боб Грей оставил писательское ремесло, удалившись на свое ранчо в Канзасе, но в истории детектива его книги остались.

Содержание

Глава 1	4
Смерть вне очереди	4
Глава 2	18
Опыт прошлого	18
Глава 3	34
Главная роль	34
Глава 4	52
Ценный «источник»	52
Глава 5	74
Посол с полномочиями	74
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Глава 1

Смерть вне очереди

За окном безумствовал карнавал. Над крышами, рассыпая искры, вертелись шутихи. В небе взрывались разноцветные огни. Казалось, весь Локвуд высыпал на улицы. Люди смеялись, танцевали, улыбались. И никому не было дела до Дика Колмена, уныло взиравшего на все это буйство со второго этажа третьеразрядной гостиницы. Наконец ему прискучило это занятие. Он закрыл створку окна, повалился на кровать и предался невеселым размышлениям.

Подумать было над чем: и вчера, и сегодня он тщетно пытался найти работу – уходил, возвращался, вновь уходил, заставляя просыпаться портье с мутными от пьянства глазами. Искал, просил, унижался, и все без толку. Кому нужен недоучившийся студент, мечтавший стать адвокатом? Если и завтра ничего не получится, придется наниматься на скотобойню, где больше недели выдерживают только безропотные мексиканцы, или попытаться завербоваться на какой-нибудь сухогруз, ржавую посудину, плавающую под панамским или либерийским флагом.

Дик сбил щелчком забравшегося на постель обнаглевшего таракана и поднялся. Чем валяться, плакаться и прислу-

шиваться к тому, как урчит в животе, лучше пойти на улицу, окунуться в гомон и суету. Там можно раствориться в толпе, зарядиться чужой энергией. И еще: вдруг кто-нибудь угостит его пивом?

Он вышел в коридор, со скрипом повернул ключ в замке и направился к лестнице. На этаже было три номера, дверь соседнего оказалась приоткрыта. В комнате было темно. Приоткрыта была и дверь номера напротив, но там свет горел. Дик скосил глаза и... остановился, будто врезался в стеклянную прозрачную стену.

Колмен не был в числе лучших студентов, но, разумеется, знал, что не должен ни к чему прикасаться. И все же толкнул дверь, открывая ее пошире. Не следовало и входить. Но он вошел. Дик всегда делал не то, что предписывали инструкции и здравый смысл. Потому и вылетел из университета, сначала переспав с дочкой декана, к тому времени успевшей побывать в постели всех его приятелей, а когда та забеременела – наотрез отказавшись сочетаться законным браком с этакой уродиной. К тому же, он совсем не был уверен, что ребенок от него. Папаша-декан подобного хамства стерпеть, естественно, не мог и мигом выставил Колмена за ворота кампуса.

В комнате, между кроватью и колченогим чайным столиком, лежал человек. Грудь его была разворочена выстрелом, лицо превращено в месиво. Из каши мышц и осколков костей на Дика смотрел одинокий глаз – мертвый, как и его

владелец. Все вокруг было в крови. Сначала она изливалась фонтаном, потом сочилась, теперь перестала, но еще не успела толком загустеть и свернуться.

Все было просто, как апельсин: здесь произошло убийство. Причем несколько минут назад и именно убийство, так как ничего огнестрельного поблизости от мертвеца не наблюдалось. Это во-первых. А во-вторых, обе раны были смертельными, что исключало инициативу ныне покойного в самостоятельном подведении счетов с жизнью.

Дик услышал за собой легкие шаги, но обернуться не успел. Страшной силы удар лишил его сознания...

Когда Колмен очнулся, то обнаружил, что сидит на стуле. У его ног, безвольно раскинув руки, лежал труп. Что касается рук Дика, они тоже были неподвижны, связанные за прямой и чертовски неудобной «вольтеровской» спинкой стула. А голова... Голова Колмена просто раскалывалась.

– Очухался, – сказал человек огромного роста. Еще у него были перебитый нос, скошенный подбородок и низкий лоб. Типичный бандит! Настоящий громила! Накрахмаленная до хруста в китайской прачечной рубашка не придавала его облику и крупинки миролюбия.

– Развяжите меня, мистер, – с трудом ворочая языком, попросил Колмен, сознавая всю нелепость своей просьбы. – Пожалуйста.

– Не терпится пересесть на электрический? – ощерился громила. – Развяжу, но сначала ответишь, зачем ты его убил.

– Я не убивал.

– А кто?

– Не знаю.

– Ну так я помогу вспомнить!

Кулак бандита врезался в челюсть Колмена. Голова Дика послушно откинулась назад, и он провалился в уже привычное небытие.

Когда он снова пришел в себя, то не стал торопиться показывать это. В комнате разговаривали. Дик приоткрыл глаза и сквозь ресницы увидел громилу, стоящего перед упитанным человеком в дорогом плаще и мягкой шляпе.

– Этот парень весь день шастал, – докладывал верзила, – туда-сюда, туда-сюда, видно, присматривался.

– А ты? – спросил упитанный

– Я на посту был, глаз с номера Кардовского не сводил. А потом задремал. – При этих словах человек в плаще так стрельнул глазами, что громила пошатнулся, как от удара. – Виноват, босс. На минуту только и отключился.

– Ему хватило.

– Хватило, – уныло согласился громила. – Гляжу, стоит парень перед открытой дверью и преспокойно всаживает пули в Кардовского. Ну, я его бейсбольной битой и успокоил. Втащил в комнату, привязал к стулу, потом вам позвонил. А пистолетик вот. – Громила продемонстрировал пистолет 32-го калибра.

Дик сцепил зубы, чтобы не закричать: «Это ложь!». Кри-

чать было бессмысленно и бесполезно. Ему ни за что не поверят, что орудия убийства он в глаза не видел, а в комнате этой оказался исключительно благодаря своему нездоровому любопытству.

Дик подумал-подумал и, решив, что терять ему нечего, слабо застонал, привлекая к себе внимание.

– Пить, – еле слышно прошептал он.

– Дай, – распорядился человек в плаще.

Громила подошел к столику, взял чашку, едва не опрокинув рукавом полную до краев сахарницу, плеснул воды из электрочайника и поднес чашку к губам пленника. Дик сделал глоток и закашлялся. Бандит ухмыльнулся и выплеснул остатки воды в лицо Колмена.

– Где товар? – спросил мужчина в плаще.

Его лицо показалось Дику знакомым. Но где он его видел, этого Колмен вспомнить не мог. Да и не до того ему сейчас было.

– Какой товар? – вопросом на вопрос ответил Дик.

Громила занес руку для удара, но человек в плаще и мягкой шляпе остановил его:

– Не спеши.

Голос его звучал повелительно, лицо оставалось непроницаемым. И тут Колмен узнал его. Это был Джованни Кроче, глава одной из «семей» мафии, что заправляли в Локвуде. Газеты (Дик пролистывал их, пытаясь найти работу) часто публиковали его фотографии с едкими комментариями

и выпадами в адрес полиции, которая никак не могла привлечь Кроче к ответственности. Омерта – закон молчания сицилийцев – делала его неуязвимым. Дик зажмурился. Все, это конец. Мафия никого не выпускает из своих рук живым.

– Значит, ты ни при чем, – сказал Кроче с выраженным итальянским акцентом. – Ладно, убить тебя мы всегда успеем. Но прежде мне нужны товар и информация.

– Я ничего не знаю. Я никого не убивал. – Тут Колмена осенило: – Это все он! – Дик кивнул в сторону громилы.

Гангстер побагровел:

– Что?!

– Не спеши, – повторил Кроче, одергивая подручного. – И позвони Балдмэну.

Верзила, бормоча под нос проклятия, нехотя направился к телефону.

– Мисс Хоуп? Позовите мистера Балдмэна. Гарри? Дон Кроче хочет тебя видеть... Да, срочно. – Бандит продиктовал адрес, положил трубку и повернулся к боссу: – Сейчас приедет.

Глава «семьи» тем временем много чего успел сделать: расстегнуть плащ, опуститься в кресло, вытянуть ноги и сбить шляпу на затылок. Вообще-то на языке жестов уголовников это означает «срочно на помощь», но в данном случае Джованни Кроче было просто жарко.

– Посмотри тут внимательно, – велел он.

Следующие полчаса громилы перерывал комнату, но по-

иски оказались тщетными.

Гангстер сыпал сквозь зубы ругательства, тогда как его босс оставался спокоен. Это обманчивое безразличие побудило Дика вновь подать голос:

– Мистер Кроче, – сказал он. – Поверьте, я действительно ни сном, ни духом...

– Так ты меня знаешь? – ожег его взглядом мафиози. – Тем хуже. Ты, парень, не оставляешь мне выбора.

Громила, расценив слова босса как благословение, не отказал себе в удовольствии мимоходом смазать пленнику кулаком по физиономии. На губах Колмена запузырилась кровавая пена. И он не выдержал, поскольку терять все равно было нечего. Ноги его были свободными, он изловчился и врезал носком ботинка бандиту в пах. Тот вскрикнул, согнулся и прошипел:

– Да я тебя...

Джованни Кроче смеялся мелким дробным смехом, получая видимое удовольствие от происходящего.

Громила надвигался на Колмена, но был остановлен голосом, лениво поинтересовавшимся от дверей:

– Ну, что тут у вас?

– Привет, Гарри, – сказал Кроче. – Заходи.

Привалившийся к косяку человек выпрямился и сделал несколько шагов от двери.

– Кардовского пришили, – констатировал он, разглядывая покойника.

– Ты его знаешь?

– Мелкая сошка. Уличный пушер¹. Был... Кто постарался?

– Это не я! – крикнул Колмен.

Пришедший пропустил его слова мимо ушей. Он сдернул с головы шляпу с мятыми полями и бросил ее на кровать. Под шляпой обнаружился череп с обширной плешью, только за ушами курчавились рыжие кустики волос. Кроче и громила называли его Балдмэн. В равной степени это могла быть и фамилия, и прозвище².

– Рассказывай, – велел плешивый, опускаясь на кровать. После чего небрежно подвинул ногой руку покойника и отбросил в сторону стреляную гильзу.

Тон был приказной, и Колмен подумал, что мафиози взбеленится, но Джованни Кроче послушно начал свой рассказ:

– Мы следили за Кардовским. Мои ребята с мексиканской границы сообщили, что колумбийцы намерены организовать новый канал поступления наркотиков. Но ты же знаешь, Гарри, «пепел»³) и вся прочая «дурь» в Локвуде – это мой бизнес! Сначала я не поверил, потом возмутился, потом призадумался. Пристрелить курьера, отобрать образцы товара – не проблема. Но что толку? Мне нужно было выяснить, к кому направляется Кардовский! Если к Барези... – Кроче дернул

¹ Пушер – торговец наркотиками вразнос (здесь и далее прим. переводчика)

² Букв. с англ. – лысый человек

³ На слэнге американских наркодилеров – кокаин

подбородком. – Этот проходимец не имеет ни чести, ни совести. Ему давно не дает покоя, что все зелье идет через меня.

– Подозрения без доказательств, – заметил плешивый.

– Да, Гарри, мне были нужны доказательства. Они мне и сейчас нужны. Конечно, я мог взять Кардовского и вытрясти из него все, что он знает. Но ведь он мог и не знать, с кем именно должен встретиться в Локвуде. Вот почему до поры мы курьера не трогали. Я приставил к нему «солдата»⁴, вот его. – Кроче показал глазами на громилу.

– А он не уследил, – резюмировал Балдмэн. – И убил курьера вот этот симпатичный юноша.

– Он! – подтвердил громила и тут же выложил свою версию происшедшего.

Балдмэн слушал внимательно, то ли одобрительно, то ли осуждающе качая головой.

– От врет! – дернулся Дик. – Я не убивал. Зачем мне его убивать? Я его и не видел никогда.

– А что вы тут делали?

– Жил. Искал работу. Меня выгнали из университета.

– Кем собирались стать? – проявил интерес Балдмэн.

– Юристом.

– Очень хорошо, – чему-то обрадовался плешивый и повернулся к мафиози. – Надо полагать, «пепла» тоже нет.

– Мы здесь все обыскали, – сказал Кроче.

⁴ В гангстерской иерархии – представители низшего звена

Балдмэн наклонил голову, запустил руку в карман и выудил окурок сигары. Раскурив, выдохнул облако дыма. Потом встал, перешагнул через труп, посплюнявил палец и опустил его в сахарницу. Лизнул белые кристаллики.

– Вот и товар. На самом виду. Чтобы никто не догадался.

Громила осторожно взял сахарницу и недоверчиво заглянул в нее. Кроче улыбнулся:

– Ты как всегда на высоте, Гарри.

– Пустяки. Старая истина: камень прячь в горах, лист – в лесу. Ну, с одним покончили. Теперь дело за малым. Скажи мне, Джованни, зачем, по-твоему, этот парень убил курьера?

– Ему Барези приказал! Понял, что мои люди «пасут» курьера, и решил оборвать ведущие к нему нити.

– Логично. Но не совсем. Хотя, думаю, Фрэнк Барези и впрямь хочет наложить лапу на твой бизнес.

Глаза мафиози превратились в щелочки. Балдмэн меж тем продолжал:

– У Фрэнка тоже хорошие информаторы. Он узнал, что твои соглядатаи «на хвосте» у Кардовского и решил не рисковать. Видимо, курьер знал достаточно, чтобы представлять серьезную угрозу. Наркокурьеры и без того долго не живут, но Кардовского требовалось устранить немедленно, не дожидаясь удобного случая и не ставя в очередь как отработанный материал. Вот его и устранили.

Мафиози медленно поднялся и, не вынимая рук из карманов, шагнул к Колмену.

– Тебя послал Барези?

– Нет! – выкрикнул Дик.

– Успокойся, Джованни, – сказал Балдмэн. – Помнишь, я сказал: «Не совсем». Ты не совсем прав в своих умопостроениях.

– Ты слишком красиво изъясняешься, Гарри! – вскипел Кроче. – Яснее можешь?

– Могу. Этот юноша говорит правду. Он оказался здесь совершенно случайно.

Утробно зарычав, гориллоподобный «солдат» бросился на своего дона. Балдмэн был начеку. Он выставил ногу в давно нечищеном ботинке, и споткнувшийся гангстер покатился прямо к ногам Кроче. Тот вынул руку из кармана плаща; на пальцах блеснул кастет. В следующую секунду стальные шипы впились в загривок громилы. Бандит дернулся и затих.

– Надеюсь, ты не убил его? – спросил Балдмэн.

– Это была бы слишком легкая смерть. Мы закатаем его ноги в бетон и отправим кормить рыб в заливе. Живьем. А вот что делать с этим... – мафиози задумчиво разглядывал Колмена.

– Отпустите, – взмолился Дик. – Вы же видите, я не виноват.

– «Ты виноват уж в том, что хочется мне кушать», – с усмешкой процитировал плешивый строчку из басни Лафонтена.

Мафиози не понял Балдмэна, посмотрел удивленно. Зато

Колмен понял очень даже хорошо, парень он был начитанный. На свою беду.

– Отпустить? – проговорил Кроче, точно пробовал слово на вкус. – Нет, смысла оставлять тебя в живых нет ни малейшего. Так что придется и тебе отправиться на дно крабов кормить. За компанию с этим уродом.

– Отдай его мне, Джованни, – сказал Балдмэн.

– Он слишком много знает.

– Тем лучше. Значит, будет послушен. И будет молчать. В случае чего тебе будет известно, с кого спросить. С меня.

– Как скажешь, Гарри, – после минутного раздумья сказал мафиози и шагнул к двери. – Я пришлю сюда людей, они увезут эту падаль. Дождись их.

– Хорошо.

Джованни Кроче вышел, и Балдмэн стал освобождать пленника.

– Вы будете работать на меня, молодой человек, – сообщил он.

Но Колмен уже малость очухался и, несмотря на то, что у его ног лежали два тела – бездыханное и бесчувственное, он задал вопрос, который почему-то его очень волновал:

– Как вы догадались?

Подвигав губами, Балдмэн перебросил сигару из одного угла рта в другой, выпустил облако дыма и сказал:

– Похоже, я не ошибся. У вас хорошие нервы, юноша, если в такой обстановке вы думаете о чем-то еще, кроме сво-

ей бесценной жизни. Вас интересует, как я догадался? Извольте. Если бы все обстояло так, как наплел этот ублюдок, гильзы валялись бы в коридоре, а не в комнате. Господи, у него не хватило ума перебросить их через порог! А между прочим, сделай он это, доказать вашу невиновность было бы много сложнее. – Балдмэн развязал последний узел. – А может, хотел перебросить, якобы стреляли внутри комнаты, да забыл. Все получилось слишком быстро и не очень аккуратно. Как ему и приказал Барези, он проник в комнату Кардовского и вlepил в него две пули. На улице гремел фейерверк, взрывались петарды, поэтому он мог не опасаться, что выстрелы кто-то услышит, а если услышит, то определит, что это именно выстрелы. Потом убийца вернулся в свой номер, чтобы сменить забрызганную кровью рубашку на только что полученную из прачечной. Двери за собой он закрыл неплотно, а они здесь старые, разохшиеся, вот и открылись. Тут в коридоре появляетесь вы. Он услышал, как вы скрежете ключом в замочной скважине, и успел погасить свет в своей комнате. Была надежда, что вы пройдете мимо, но вы заглянули в освещенный номер Кардовского, а потом и вошли туда. Не сомневаюсь, он хотел прикончить вас, но в последнюю секунду его посетила счастливая мысль, ослабив удар и тем оставляя вас в живых. Он решил выставить вас убийцей курьера. Как бы вы потом ни отговаривались, суд мафии будет коротким, как и приговор. Он же останется в стороне, грешный лишь в том, что заснул, допустив убийство Кардовского.

А главное, он останется хорошо оплачиваемыми «ушами» Фрэнка Барези в «семье» Джованни Кроче. Ну, все понятно?

– Понятно, – буркнул Дик, растирая запястья. – Мне другое непонятно. Зачем вы меня спасли? Что вам от меня надо?

– Вы ведь искали работу, верно? – усмехнулся Балдмэн. – Считайте, вы ее нашли. Надеюсь, у вас нет предубеждения против частных сыскных бюро. Впрочем, вы можете отказаться. Однако хочу предупредить, что буду вынужден сообщить о вашей несговорчивости синьору Кроче, и тогда, по правде сказать, я вам не завидую. Вода в заливе сейчас очень холодная. А крабы прожорливы в любое время года.

– Вы не оставляете мне выхода.

– Не оставляю. Да не волнуйтесь вы так. Уверен, мы найдем общий язык. В конце концов мы же оба юристы. Только вы недоучившийся, а я бывший. Вашу руку, коллега.

И они обменялись рукопожатием.

Глава 2

Опыт прошлого

Этот парень мне сразу понравился. Вид у него был аховый: лицо в крови, нос всмятку, губы разбиты, но держался молодцом. А ведь не мог не понимать, что живым от дона Кроче ему не уйти. Вообще-то Джованни не самый кровожадный из представителей мафиозных «семей» Локвуда, уж мне ли это не знать. Просто он прагматик и почитает законы. Не государственные, естественно. А закон гласит: хороший свидетель – мертвый свидетель.

Я нажал кнопку вызова:

– Дженни, про хорошего мертвого индейца кто ляпнул?

– Генерал Грант, – откликнулась из своего закутка за стеной моя секретарь. – Кажется.

– Спасибо, – поблагодарил я. – Принеси мне кофе.

«Кажется». Осторожность – похвальное качество. Им Дженни наделена сполна. Зато Колмену его подчас не достает. Ничего, покрутится, набьет шишек – поумнеет. Даже, может быть, перестанет задавать глупые вопросы. Типа того, что он выдал после памятного рукопожатия, означавшего, что с этой минуты штат «Детективное агентство Балдмэна» увеличивается на одного человека:

– Вы работаете на гангстеров?

Пришлось ответить:

– Я работаю на себя.

Вот так – коротко и неясно.

В этот момент до Колмена стало наконец-то доходить, чего он избежал. Он ушел в угол комнаты и там притих. Я не стал его дергать, успеется еще. Пусть привыкает.

Потом в гостиницу явились «солдаты» Кроче. Труп курьера завернули в ковер и уложили в багажник безразмерного «бьюика», предупредив портье, что лучше бы ему оставаться слепым. Совет был воспринят с пониманием, тем более что особых стараний старому пьянице для этого не требовалось. Виски давно сказалось на остроте его зрения, затянув глаза пленкой неутолимой жажды.

Убийцу Кардовского, еще толком не очухавшегося после удара кастетом, усадили на заднее сиденье автомобиля. Двое «солдат» зажали по бокам бывшего товарища, продавшего злейшему врагу их хозяина. И машина отбыла – надо полагать, напрямик в порт. Там к ногам покойника привяжут чугунную болванку, а ноги убийцы опустят в тазик с цементом. И в воду.

В номере Колмена мы забрали его вещи и отправились восвояси, если конкретнее – в офис «Детективного агентства Балдмэна».

Офис – это громко сказано. Просто две комнаты плюс закуток-прихожая в одном из не самых приметных зданий на

не самой шумной улице Локвуда. Я видел, что скромность моей конторы озадачила Колмена, который уже настолько пришел в себя, что начал вновь воспринимать и оценивать окружающее..

– А я-то думал... – пробормотал он и осекся.

Я знал, о чем он думал. Любой человек, связанный с мафией, должен купаться в роскоши. Так полагает большинство законопослушных американцев, к которым до недавних пор принадлежал и недоучившийся студент Ричард Колмен. Ошибаетесь, господа! Лично мне каждый доллар дается ценной немалых усилий. Все заботы, заботы... Между прочим, часть этих забот я и собирался возложить на плечи Колмена.

– Ваш кофе.

Я открыл глаза, возвращаясь из прошлого в настоящее, и буркнул:

– Благодарю.

Дженни самодовольно улыбнулась. Она гордилась умением появляться беззвучно, а то, что мне это совсем не по вкусу, мисс Хоуп нисколько не волновало. Нахалка! Вот возьму и задержу жалование за неделю.

– Спите? – ехидно поинтересовалась секретарша.

– Размышляю, – парировал я. – Колмен не звонил?

– Нет. А должен был?

Я промычал нечто неопределенное.

– Может, что случилось? – заволновалась Дженни.

Этого я и добивался. Люблю, грешным делом, сбивать

спесь с юных прелестниц.

Дженни покраснела, и я подумал, что ее забота о Дике – это не просто участие в судьбе товарища по работе. Меня не обманешь, тут все серьезнее.

Ну, будет издеваться, одернул я себя и сказал:

– Чепуха! Придет – тут же ко мне.

Мисс Хоуп помялась немного, но совладала с желанием сказать что-нибудь справедливое о моей бессердечности и вышла.

За Колмена я действительно не волновался. Парнем он оказался расторопным. Лицензию частного детектива для него мы получили без особых хлопот, выправили разрешение на оружие, и Дик тут же с головой погрузился в дела, пока ни сложности, ни опасности не представляющие.

Глупые вопросы он задавал по-прежнему, правда, во все более обтекаемой форме, что свидетельствовало о приобретаемом опыте, но чаще я ловил его испытующий взгляд. Он меня им просто буравил! Видимо, Ричард ждал, когда я начну «замазывать» его контактами с преступным миром Локвуда. А я не спешил. Пусть мальчик наберется здорового цинизма. Слежка за неверными супругами и поиск покинувших отчий кров отпрысков этому очень способствуют. Человеку быстро становится понятно, что за пышными фасадами благополучных семей сплошь и рядом таятся грязь и мерзость. После такой подготовки проще сделать следующий шаг. А сделать его придется сегодня, потому что утром мне

позвонил Фрэнк Барези.

– Я не в претензии, Гарри, – без околичностей начал он. – С Кардовским я просчитался, ты меня подловил, так что все по-честному.

– Что вспоминать? – сказал я. – События старше трех месяцев не удерживаются в моей памяти.

Барези хмыкнул:

– Это ты другим рассказывай. Может, и поверят. Мне от тебя нужно другое. Ночью кто-то наследил на моем заводе в Вест-Крике. Я хочу знать – кто. Очень хочу знать.

– Дело срочное?

Я ждал ответа, а Барези медлил. Наконец сказал:

– Если ты приедешь к полудню, будет в самый раз.

– Договорились.

Я первый положил трубку. Клиентов положено холить и лелеять, но некоторым надо постоянно напоминать о моем особом положении.

Тут же позвонив Колмену, я выяснил у квартирной хозяйки, что «милый молодой человек» дома сегодня не ночевал. Дамочка многозначительно хихикала, но я-то знал, что Дик проводит время не в постели подружки, а в машине перед домом миссис Палмерстон, которая отбыла к мамочке в Вайоминг, поручив нашему агентству проследить за ее благоверным. Этим Колмен занимался уже несколько дней, заполняя блокнот именами девиц легкого поведения. Их, не помышляя о последствиях, приводил домой дорвавшийся до про-

дажного женского тела мистер Палмерстон, весьма известный в Локвуде врач. Думаю, при разводе супруга разденет его до нитки.

Еще раз Колмену я позвонил уже из офиса. Хозяйка общила, что жилец забегал, и она проинформировала его об интересе начальства к его скромной персоне. Она видела, как Колмен крутил диск телефона, набирая мой номер. Не дозвонившись (очевидно, в это время я был в пути), Дик попросил передать, если, разумеется, начальство будет упорствовать в своих поисках, что он появится в конторе не позже одиннадцати. Это меня устраивало. От Локвуда до Вест-Крика минут двадцать на машине.

В одиннадцать я взглянул на часы и только собрался осуждающе покачать головой, как дверь открылась, и вошел Колмен. Завидная пунктуальность. Я тем же похвастаться не могу.

– Искали, шеф?

– Искал. Надо съездить в одно место.

– С вами?

– Со мной.

Дик все понял. Вот и умничка.

В машине он бодрился, был говорлив, не забывая, впрочем, о руле. Когда есть возможность, я всегда выбираю роль пассажира. Можно поспать... К тому же, Дик оказался вполне приличным водителем, так что можно спать спокойно.

– Я поговорил со шлюхами. Трое готовы свидетельство-

вать в суде. Миссис Палмерстон их показания обойдутся в сущие гроши.

– Фотографии сделал?

– А как же!

Дик вытащил из кармана конверт со снимками. Я просмотрел их. Качество хорошее, придаться не к чему. Колмен вполне может уйти в папарацци и не положить при этом зубы на полку. Только я его не отпущу...

А доктору Палмерстону конец. Как и предполагалось.

– Куда теперь? – спросил Дик, когда мы въехали в Вест-Крик, маленький прибрежный городок, которому наверняка уготована судьба райского местечка для любителей понежиться на пляжах. Но это в будущем, причем отдаленном, пока же Вест-Крик представлял собой скопище разной степени обшарпанности построек, теснящихся у заставленного рыбацкими лодками порта.

Я стал показывать дорогу. Через десять минут мы были у ворот консервного завода, принадлежащего Фрэнку Барези.

– Привет, Гарри, – сказал он, встретив нас у проходной. – Кто это с тобой?

– Ассистент, – проворчал я, опустив стекло..

– А-а, наверное, это тот самый парень, который оказался в ненужном месте в неурочный час. Ты его подобрал, хотя Джованни хотел отправить его на тот свет вместе с Кардовским.

– И с твоим человеком, – добавил я. – «Ушастым».

Барези небрежно махнул рукой:

– Издержки производства. У меня сейчас другие проблемы.

Он еще раз махнул рукой, приглашая нас с Колменом следовать за ним, и пошел через двор, сопровождаемый телохранителем. Последний заметно прихрамывал, так что ему приходилось нелегко, потому что Барези шел легко, быстро. Он вообще был атлетически сложен, этот выдающийся представитель новой генерации мафии. Красив и беспощаден – такое вот сочетание.

Мы с Колменом выбрались из машины под палящее солнце. Ну и жарит, ну и жарит! Пришлось протереть лысину.

– Сюда.

Барези и его телохранитель стояли у двери в стене, сложенной из побитых ветром и непогодой известковых блоков, и ждали нас.

Внутри здания воняло тухлятиной и, ко всему прочему, было темно как у негра в желудке. Шикарное место для ловушки! Сейчас как дадут по башке...

Но я не боялся, что это ловушка. Каким бы негодяем ни был Фрэнк Барези, как бы ни плевал он на договоры, заключаемые «семьями» и «коска»⁵, прикончить меня он не осмелится. Партнера, конкурента, друга, брата смог бы, меня – нет. Я работаю на всех и защищать меня обязаны все без исключения. По большому счету я неуязвим. Так считается.

⁵ Букв. с ит. – «бедро», группа семей мафии

Мне тоже хочется в это верить.

Вспыхнул свет.

– Сюда.

Пройдя узким коридором, мы оказались у железных дверей. Перед ними стоял мужчина с пистолетом в левой руке. Правый рукав был засунут в карман пиджака.

Дуло пистолета смотрело мне в лоб.

– Пропусти их, Дуче, – сказал из-за наших спин Барези. – Это хорошие, хорошие люди. Не надо их убивать.

Однорукий неохотно посторонился, и Барези со смешком пояснил:

– У Дуче это любимое развлечение – убивать. Жестоко лишать человека маленьких радостей, так что я не против. Мне нравится, когда мои люди довольны жизнью. Так ведь, Марко?

– Истинный крест, дон Барези, – телохранитель мафиози, до того замыкавший нашу процессию, осенил себя знамением, для верности коснувшись большого креста, видневшегося в разрезе рубашки.

– Вот, Марко любит девочек помоложе, так что же, мне его уму-разуму учить, к старухам отправлять? Нет, я его не неволю. Пусть балуется. Но только в нерабочее время!

Телохранитель заржал. Ну, чисто жеребец!

Дверь заскрипела петлями и неохотно, точно беря пример с однорукого, открылась.

– Прошу! – сказал Барези и шагнул за порог.

Помещение, в котором мы оказались, больше смахивало на морг. Не по обстановке, так как это явно был склад готовой продукции, а по количеству покойников. У стены, привалившись спинами к кирпичной кладке, их сидело аж четверо.

Стоящий рядом со мной Дик Колмен вдруг задышал глубоко и неровно. Не собирается ли он, часом, грохнуться в обморок? Нет, скорее похож на взявшего след гончего пса.

Я подошел к мертвецам и присел на корточки. Дырок в них понаделали достаточно, но кое-какие знания анатомии и личная стрелковая практика подсказывали, что по меньшей мере для двух смертельными были выстрелы в голову, аккуратно в правое ухо.

Я выпрямился и повернулся к Барези:

– Первый вопрос. Почему ты попросил меня приехать к двенадцати? Можно было и поторопить, я бы не обиделся.

Мафиози ответил без раздумий:

– Думал обойтись своими силами.

Ох, как же я не люблю, когда меня принимают за идиота. Если решили разбираться сами, зачем было звонить вообще? А эта странная пауза в нашем утреннем разговоре? Впрочем, сейчас она уже не казалась странной.

– Вопрос второй. Свидетели есть?

– Есть.

– Где они?

– Там.

И снова мы шли узким коридором. Я дымил сигарой, стараясь перебить вонь, которая становилась все нестерпимей. За следующей дверью смрад обрушился на нас, подобно снежной лавине, а точнее – подобно содержимому самосвала-мусоровоза. Я заметил, что Колмен зажал нос. Он не курил, ему приходилось труднее. А вот топавший за нами однорукий Дуче, кстати, не только этим, то бишь отсутствием конечности, но и внешне несколько не похожий на истинного дуче – Бенито Муссолини, казалось, не испытывал никаких неудобств.

Цех был уставлен пустыми ящиками, конвейер забит банками, на оцинкованных столах возвышались горы рыбы, поступающей сюда из трюмов браконьерских баркасов, каждое утро выходивших на промысел в залив.

У булькающих чанов на грязном полу сидели люди в прорезиненных фартуках. Они испуганно смотрели на нас.

Их было человек двадцать. Пуэрториканцы, кубинцы, но в основном мексиканцы-чиканос⁶.

У этих ребят не было ничего – ни крыши над головой, ни денег, ни вида на жительство в благословенных Соединенных Штатах, была только надежда вернуться к своим семьям обеспеченными людьми. Но, нелегально пробравшись через границу, они попадали в руки вербовщиков, а потом на плантации либо на такие вот подпольные заводики, принадлежащие мафии, где платили скупое, а вкалывать застав-

⁶ С исп. – «мокрые спины»

ляли от рассвета до заката.

Что касается Фрэнка Барези, и это было мне отлично известно, то обычными угрозами выдать нелегалов Службе иммиграции он не ограничивался. Интенсивность труда рабочих обеспечивали надсмотрщики из числа в чем-то провинившихся перед доном подручных. Их отправляли на завод как в ссылку и, стремясь вернуть расположение босса, «солдаты» усердствовали всюду, то и дело пуская в ход резиновые дубинки.

Теперь охранников, а в «морге» явно были охранники, уже ничто не беспокоило, в том числе и гнев дона Барези, – продырявленная голова лишает такой возможности. Однако расправились с ними явно не эти замордованные, искалеченные страхом люди.

Я ткнул пальцем:

– Ты.

Мексиканец поднялся. Он был высокий и худой. Фартук едва достигал его коленей. Брезентовые штаны заскорузли от крови и слизи, на ботинках серебрились рыбы чешуйки.

– Рассказывай.

Мексиканец стрельнул глазами в Барези, и даже не столько в него, сколько в Дуче, и заговорил:

– Они пришли ночью...

«Они», как выяснилось, это два инспектора из Службы иммиграции. Их никто не остановил. («Это мой приказ, – пояснил Барези. – Шавок не задирать».) Рабочих вывели из

цеха и сбили в кучу в складском помещении. Туда же привели охранников, у которых по ходу дела отобрали дубинки и плети. Все ждали проверки документов, но инспекторы вдруг исчезли, а их место заняли три человека в черных очках. И с автоматами. Раздались очереди. Охранники повалились на пол, корчась от боли. Рабочие тоже попадали, закрывая головы руками. Когда выстрелы прекратились, оказалось, что убийцы испарились. Осмелев, рабочие подняли охранников и прислонили их к стене – негоже человеку валяться, точно падаль какая. Потом Рамирес, он здесь на особом положении – следит за паропроводами, позвонил синьору Барези.

– Охранники были мертвы, когда вы их перетаскивали?

Опять стрельба глазами и короткий ответ:

– Да.

Я обратился к Колмену:

– Твоя очередь.

Мой помощник оторвал пальцы от носа, подозвал тщедушного пуэрториканца-коротышку и продолжил допрос. Вел его он, надо признать, ловко, пытаясь поймать говоривших на противоречиях. Но и пуэрториканец, и другие рабочие повторяли историю слово в слово. Такое бывает в двух случаях: или люди говорят правду, или они как следует затвердили урок.

Покончив с расспросами, мы вышли во двор завода. Свежий воздух быстро прочистил легкие и носоглотку. Я достал

платок и снова промокнул лысину. Некоторые считают, что я так делаю, когда мне нужно сосредоточиться. Кретины! Просто я потею.

У ворот стоял роскошный «линкольн» Барези. На его фоне мой «форд» выглядел замухрышкой. Мы направились к машинам.

– Что ты думаешь обо всем этом, Гарри?

Фрэнк Барези шагал рядом с нами в сопровождении Дуче, вместо которого на пост у склада с мертвецами заступил тяготеющий к педофилии хромоногий Марко.

– День Святого Валентина.

– Да, похоже, – согласился мафиози.

Нет слов, происшедшее весьма смахивало на бойню, которую в 1929 году по поручению Аль Капоне устроил Джек МакГорн. Тогда в одном из гаражей Чикаго остались семь трупов боевиков из банды Багса Морана.

– Мне нужно знать, кто это сделал, – сказал Барези.

– Что именно?

– Кто убил моих людей.

Я бросил взгляд на Колмена, и Дик выхватил револьвер. Нет, что ни говори, а я в нем не ошибся. Смысленный парень. Сообразил, что к чему. Может быть, даже раньше меня.

– Не дергайся, – посоветовал я Дуче и обратился к Барези: – Сейчас мы уедем, Фрэнк, и ты не будешь нам мешать. И пожалуйста, не спрашивай меня больше, кто убил твоих людей.

Барези медленно опустил руку в карман. Я знал, что там лежит пистолет со спущенным предохранителем, и все же был уверен, что он не станет стрелять.

Я ошибся. Раздался выстрел. В пальто мафиози появилась дырка, еще одна во лбу Дуче.

– Ты ничего не докажешь, – сказал Фрэнк.

– Я и не собираюсь.

Мы сели в мой потрепанный «форд» и уехали. Никто нас не преследовал. Фрэнк Барези умный человек, я всегда это утверждал. Хотя и подонок, каких поискать.

С бойни в день Святого Валентина в Чикаго началась война гангстерских кланов. Кто-то в Локвуде хочет того же. Возможно, Джованни Кроче. Возможно, это он послал убийц на завод Барези. Очень возможно. Но это еще предстоит выяснить. Однако вся штука в том, что Барези не прочь ответить ударом на удар. Когда он мне звонил утром, ему внезапно пришло на ум, что ситуацию легко повернуть так, чтобы возвращение к мирному сосуществованию двух «семей» стало практически нереальным. Правда, раненые не так убедительны, как трупы, а два трупа впечатляют меньше четырех, но это дело поправимое. И Фрэнк приказал Дуче добить охранников. Управляясь левой рукой, садист стрелял в сидящих у стены так, как ему было удобно, то есть в правое ухо. К слову сказать, у профессионалов контрольный выстрел в ухо почитается особым шиком, тогда как если бы лежащих на полу охранников добивали нападавшие, они бы палили

куда попало – в лоб, в рот, в затылок. Что же касается тех нескольких часов, что отделяли звонок Барези от нашего с Колменом появления на заводе, они потребовались для того, чтобы провести соответствующую обработку рабочих.

– Они могли разбежаться, – сказал Колмен, будто угадав, о чем я думаю. Или действительно догадавшись. Я же говорю – толковый парень!

– Рабочие? – на всякий случай уточнил я. – А зачем им разбегаться? Чтобы искать новый завод, где платить будут еще меньше, а работать придется еще больше? Они предпочли остаться.

Дик помолчал, потом спросил:

– Мистер Балдмэн, мы будем искать этих фальшивых инспекторов Службы иммиграции?

Я тоже помолчал, затем ответил:

– Будем. И тех, кто стрелял, тоже. Синьор Барези не отменял заказ.

Глава 3

Главная роль

Мистер Балдмэн держит меня за дуру. А я не дура. Я умная, и потому осторожная и аккуратная. У меня все в полном порядке: документ к документу, труп к трупу. Если кто-нибудь думает, что это просто, он ошибается.

В последние дни картотека «Детективного агентства Балдмэна» пополняется небывалыми темпами, особенно ее секретный отдел. Разумеется, все наши досье не предназначены для посторонних глаз. Как-никак Гарри Балдмэн – известный частный сыщик. Его помощник Ричард Колмен – сыщик начинающий, но широкая известность в узких кругах грозит ему в самом недалеком будущем. Без конфиденциальности им никуда, профессия обязывает. Но есть у нас и особый шкаф, за содержимое которого кое-кто в Локвуде с радостью отдал бы все, что у него есть. В расчете приобрести большее. Или сохранить жизнь. Полагаю, тот же дон Кроче был бы совсем не прочь взглянуть на собственное досье, а заодно полюбопытствовать, что Балдмэн и Колмен нарыли против дона Барези. И наоборот, Фрэнк Барези с удовольствием ознакомился бы с компроматом на Кроче и с данными о себе любимом.

Ненавидят они друг друга лютой ненавистью, но покамест в основном действуют исподтишка. Барези «стукачей» к сеньору Кроче засылает, тот в свою очередь вредит Фрэнку где и чем может. Похоже, и настоящая война не за горами, потому что у горизонта уже явственно погромыхивает. Однако штыковая атака до полного истребления противника не состоится, если Балдмэн и Колмен не разыщут тех, кто устроил побоище на консервном заводе в Вест-Крике.

Я нисколько не сомневаюсь, что убийц послал дон Кроче. Конечно, у кого-нибудь может возникнуть вопрос: если он так хочет смертельной битвы, что даже готов сделать первый шаг, то почему обставил все с такой таинственностью? Не проще ли было оставить записку, мол, так и так, дорогой Фрэнк, с сегодняшнего дня мы находимся в состоянии войны. Отвечаю: не проще. В Локвуде не две мафиозных «семьи», а больше, хотя остальные не такие могущественные. Плюс шайки подростков. Плюс банды «Диких ангелов», гоняющих по окрестностям на своих несносных мотоциклах. Плюс налетчики-гастролеры. Вот почему Джованни Кроче предпочел остаться в тени. Если Фрэнк, сгоряча и не разобравшись, покрошит эту шушеру, то потеряет не только время, но, не исключено, пару-тройку своих бойцов. А в грядущем сражении каждый «солдат» будет на вес золота.

Таким был план. Который не сработал. Потому что сомнения Барези не мучили и распылять силы, гоняясь по Локвуду за хулиганами, он не стал. Фрэнк сразу подумал о Кроче

и распорядился пристрелить раненых, чтобы сделать противостояние кланов необратимым. Одного он не учел – прощительности Гарри Балдмэна. Шеф с легкостью раскрыл его коварный замысел, после чего Барези вынужден был прикончить палача, избавляясь от исполнителя и свидетеля его мошенничества с мертвецами. Вместе с тем поручения найти стрелявших на заводе мафиози не отменил. Этим сейчас Балдмэн с Диком и занимаются.

Звонит телефон. Я отрываюсь от карточек с именами убитых и снимаю трубку.

– Мисс Хоуп? Я от дона Кроче. Соедините, пожалуйста, с мистером Балдмэном.

– Его нет.

– А когда будет?

– Не знаю.

Трубка возвращается на место, а я – к картотеке. За вчерашний день по данным полиции в городе появились шестнадцать покойников, не считая умерших естественной смертью и погибших по вине несчастного случая. Бытовые убийства, поножовщина в барах – это двенадцать трупов. Остальные четыре – «солдаты» мафии, в нашем особом шкафу им самое место.

Четыре трупа... Это еще не война – перестрелка, но если дальше пойдет в том же темпе, через год-другой Локвуд превратится в самый мирный город Америки, так как некому будет заниматься грабежами, рэкетом, торговлей нарко-

тиками и опекой проституток. Мертвые к этому не приспособлены.

Опять верещит звонок.

– Хай, Дженни. Дай трубку Гарри, синьор Барези хочет переброситься с ним словом.

– Его нет. Когда будет – не знаю.

– Скрывается?

– Работает.

Я даю отбой. Вот наглец! Какая я для него Дженни? Я для него мисс Дженифер Хоуп! Нет, что ни говори, а в окружении Джованни Кроче люди более воспитанные. Надо пожаловаться мистеру Балдмэну, пусть поговорит с Барези, чтобы тот вразумил своих недоносков. Впрочем, шеф наверняка сочтет это дамским капризом и лишним доказательством моей глупости. Лучше-ка я промолчу. Если удержусь... Авось сойду за умную. Глядишь, шеф и смилостивится, доверит что-нибудь поважнее скучных секретарских дел. Я ведь не к этому себя готовила, я уверена была: здесь я смогу показать, на что способна! Но пока возможности проявить себя Гарри Балдмэн мне не предоставил.

Ну, вот и все. Карточки расставлены. Можно закрывать шкаф и садиться за пишущую машинку. Перепечатать пару документов – и мой рабочий день закончен.

Дверь офиса открывается, и я слышу:

– Мисс Хоуп, вы мне нужны как женщина.

Щеки убежденной феминистки, отважного борца за права

женщин, то есть мои щеки, заливают непрощенный румянец. Есть у меня такой недостаток, с которым никак не удастся справиться.

– О чем вы?

Большим клетчатым платком Балдмэн вытирает лысину и садится на стул для посетителей. Ричард Колмен занимает место рядом с боссом, но не садится, другого стула в приемной просто нет.

– У нас проблема.

Балдмэн говорит, а я ликую: наконец-то! Грядущие неудобства и опасности меня не пугают. Подозреваю, что страх придет позже, когда менять что-либо будет поздно. Но я не хочу об этом думать и зашвыриваю предательскую мыслишку куда подальше.

Суть дела в следующем. Поиски людей, паливших из легкого стрелкового оружия во владениях Фрэнка Барези, увенчались успехом. Хотя и относительным, поскольку в наличии были лишь их тела.

О том, что в национальном парке, чьи границы проходят в 30 милях к западу от города, найдена машина с трупами, Балдмэну сообщил его человек в полицейском управлении Локвуда. Надо заметить, у моего шефа много информаторов в самых разных сферах – от самого дна, где копошатся отбросы общества, до мэрии и сената штата. Кое-кому из «отбросов» он платит (подозреваю, что скорее из сострадания), остальные работают на него бесплатно, памятуя о должках

частному детективу: кого-то он прикрыл, кого-то отмазал от тюрьмы... Я так понимаю, что Балдмэн задействовал все свои связи, когда понадобилось отыскать убийц, наделавших шороху во владениях Барези. И вот убийцы найдены. Сегодня утром их обнаружил отряд скаутов, отправившихся на экскурсию к Черному озеру. Что это искомые личности – о том свидетельствовали поддельные удостоверения инспекторов Службы иммиграции, автоматы «томпсон» в багажнике автомобиля и чешуя на подошвах ботинок.

Есть у Гарри Балдмэна свои люди и в военном госпитале имени Хопкинса, куда мне предстояло отправиться с закрытым переломом лодыжки и обширными кровоизлияниями. А разделю я больничную палату с девушкой, доставленной в травматологическое отделение из того же национального парка, где ее нашли в «кадиллаке», сорвавшемся в ущелье Злых Духов. Эта девушка очень интересуется мистера Балдмэна, Ричарда, а теперь и меня.

– Может быть, лучше я? – подает голос Дик. Разумеется, им движут наилучшие побуждения, может быть, даже нечто большее, чем простое товарищеское участие. В другой момент я бы это непременно оценила и возрадовалась, но сейчас дарю Колмена злым взглядом. Еще чего! Поманили, посулили главную роль и огни рампы – и бросили? Не выйдет.

– Как ты себе это представляешь? – интересуется шеф.

– Переоденусь женщиной, – неуверенно произносит Колмен.

Я фыркаю:

– С врачом вы, шеф, предположим, договоритесь, уже договорились. А медсестры? Полагаю, они будут изрядно шокированы, ненароком узрев под простыней мужские достоинства Ричарда.

Балдмэн хлопает ладонью по колену:

– Решено! В госпиталь отправишься ты, Дженни. Но помни... – и шеф опять начинает рассказывать о девушке из ущелья. Уже с деталями.

Полицейские, прибывшие к Черному озеру, не возражали против присутствия частных детективов. Мистер Балдмэн у них на хорошем счету – не пакостничает, дорожку не перебегаёт; к тому же, они понимали, что Гарри примчался сюда не просто так, а с личным интересом и по наводке. Конечно, они не отказались бы узнать причину его любопытства, а также имя того, кто «слил» ему информацию, но от пытки вопросами воздержались: захочет – сам скажет. Балдмэн не захотел, вместо этого он бродил по поляне и смотрел под ноги. Размышлял.

Люди в автомобиле были убиты быстро и аккуратно. Очевидно, такой подлости, как пулю в голову, они могли ждать от себя, но не от человека, с которым встретились под сенью деревьев. Да и чего им было бояться? Их же пятеро, а он один. Но это был не простой человек, а киллер высочайшего класса, по каковой причине он и сумел в одиночку уложить пятерых. Кое-что еще существенное об этом человеке

сказали следы на мягкой земле. Она была истыкана каблучками-шпильками. Женщина! Не киллер – киллерша!

Чуть в стороне Балдмэн нашел и характерный отпечаток протектора.

Потом на поляну выскочил мотоцикл, эффектно развернулся, подняв веер свалывшейся хвои, и остановился. Лихач в крагах и кожаной куртке с надписью «полиция» на спине нехотя сполз с сиденья, вразвалку подошел к старшему следственной группы и доложил, что в ущелье Злых Духов найдена машина с искалеченной девушкой. Однако оснований предполагать, что пострадавшая причастна... Мотоциклист повел рукой, охватывая поляну, и увидел Ричарда Колмена, стоявшего за его спиной с самым невинным видом, исключаящим подозрения в том, что он подслушивал.

Естественно, шеф с Диком немедленно отправились к месту катастрофы. Там мистер Балдмэн первым делом посмотрел на ноги девушки, точнее – на туфельки. Рисунок на скатах тоже был один к одному. А потом Колмен, обшаривая каменистый склон, нашел револьвер, в барабане которого не хватало пяти патронов. Каким-то невероятным образом «кольт» вылетел в разбитое окно, когда автомобиль кувыркался по крутому откосу, и теперь неопровержимо указывал на девушку в машине. Убийца!

Балдмэн приказал Дикю не трогать револьвер и помалкивать. Соккрытие улик – преступление, и без особой надобности шеф закон не нарушает, но ему надо было выиграть вре-

мя. Полицейские, безусловно, найдут оружие и скорее всего сопоставят трупы у озера и один несостоявшийся в ущелье, но это займет минимум день, а то и два. «Детективному агентству Балдмэна» этого должно хватить, чтобы выяснить, кто организовал налет на завод Барези и кто заплатил девушке на «шпильках», чтобы она уложила отыгравших своих гангстеров. Нет сомнений, что это одно и то же лицо.

Заказчик обрубал концы, и покалеченная киллерша в военном госпитале имени Хопкинса путала ему карты. А раз так, он обязательно предпримет попытку покончить и с ней. Помешать же ему в этом должна была я, скромная секретарша с большими амбициями.

– Я правильно понимаю?

– Не правильно! – резко говорит мистер Балдмэн и снова тянется за платком. Его лысина вся в каплях пота.

–то есть как?

–то есть так! Твоя задача – не бросаться под нож или пулю, в общем, не геройствовать попусту, а слушать. Сама она ничего тебе не расскажет, но вдруг проговорится во сне? А спать она будет беспокойно, это мне обещали.

– Какая жестокость! – лицемерно восклицаю я.

– Дикость, – вторит Колмен.

– Оружие не брать? – уныло спрашиваю я.

Шеф удивляется:

– Оно у тебя есть?

– Нет, но я думала, что вы дадите мне револьвер.

– Никаких револьверов!

– А кинжал? Исключительно для самозащиты.

– Никаких кинжалов! Ты возьмешь вот эту коробочку... –

Балдмэн запускает руку в карман пиджака и достает металлическую коробочку с красной кнопкой и двумя металлическими штырьками. – Держи.

Коробочка довольно увесистая.

– Что это?

– Новейшая разработка. У полицейских еще нет, но когда-нибудь они без нее шага не сделают. Мне досталась по случаю. Нажми кнопку!

Я нажимаю. Между штырьками возникает дрожащая фиолетовая дуга.

– Электрошокер, – объясняет шеф. – Вырубает человека с гарантией.

– Надолго?

– Зависит от массы тела.

– Попробовать можно?

Я примериваюсь, чтобы ткнуть электрошокером Колмена.

Ричард отшатывается.

– Пожалей коллегу, – говорит Балдмэн и снова заводит старую пластинку с предупреждениями, чтобы я ни во что не вмешивалась.

Дребезжит звонок, и на пороге нашего офиса возникает человек в белом. Военный госпиталь имени Хопкинса – заведение консервативное, здесь еще не перешли на униформу

ласкающего глаз зеленого цвета.

– Ну-с, Гарри, где наша больная?

Через полчаса меня везут в госпиталь. Нога моя упакована в гипс. Со стороны – печальное зрелище. А мне смешно. Это нервное.

...И вот я лежу, смотрю в окно, ласкаю пальцами спря-
танный под одеялом электрошокер и больше не пытаюсь за-
говорить с соседкой. Шпилька, как я ее называю про себя,
меня не понимает или делает вид, что не понимает. Только
улыбается. Улыбка у нее хорошая, по-детски открытая. Вот
не думала, что у наемных убийц могут быть такие добрые
бессмысленные улыбки.

Безмолвно улыбалась киллерша и представителю дорож-
ной инспекции, который, получив пропуск (перед Вооружен-
ными Силами все равны), явился в госпиталь, чтобы выяс-
нить у пострадавшей обстоятельства аварии. Он ушел ни с
чем, глубокомысленно обронив сопровождавшему его вра-
чу:

– Стресс. Я завтра наведаюсь.

Идет уже второй день моего пребывания в больничной па-
лате.

Ночь прошла спокойно, хотя спала я вполглаза: сначала
прислушиваясь к тихому дыханию соседки, а потом, как сле-
дует накрутив себя, – в ожидании, что в палате вот-вот ма-
териализуется некто, готовый расправиться с оплошавшей
убийцей, а заодно и со мной. Лишь когда лучи солнца про-

никли в комнату, я отключилась, а проснувшись к полудню, ужаснулась своей беспечности. Убийца – не вампир, свет дня ему не мешает.

Своими тревогами я поделилась с Колменом, который пришел меня навестить, исполняя роль любящего мужа. Даже букет прихватил! Цветы я поставила в вазу и перешла к делу.

Изъясняться нам пришлось околичностями и шепотом, хотя Шпилька спала после очередной инъекции. Дик успокоил меня, напомнив, что моя задача – слушать и запоминать. Что касается возможного покушения, то оно маловероятно до невероятности. Госпиталь охраняется не хуже Конгресса штата, так что сунуться сюда осмелится только сумасшедший.

– А даже если кто решится, на тебя и внимания не обратят. Услышать такое было обидно, и я сказала:

– Между прочим, я свидетель.

– Ну какой ты свидетель!

Стало еще обиднее, но я не подала вида.

– Ну, пока. И пожалуйста, Дженни, никакой инициативы.

Дик ушел, а я, как и было велено, стала наблюдать, слушать и запоминать. Было бы что!

До вечера к нам заглянули четыре врача и две медсестры, которых я сначала приняла за близняшек. Повязки, закрывающие половину лица, волосы убраны под шапочки... Вся это делало их неотличимыми. Мне дали тонизирующие таб-

летки, заставили измерить температуру, сунув в рот градусник; температура, естественно, оказалась нормальной.

Моей соседке досталось куда больше лекарств и внимания. Врачи крутились вокруг нее, светили фонариком в глаза. Особенно старался один – суетливый, с бегающими глазами. Двое других держались солиднее, но у одного были длинные, почти до колен руки, а у другого нижняя челюсть так выпирала вперед, что делала его похожим на прародителя человека разумного. Все трое показались мне очень подозрительными.

Зато мной занимался милейший доктор, тот самый, что накладывал гипс. С ним я щебетала без умолку, тогда как Шпилька была совершенно безучастна к хлопотам вокруг ее персоны. Может, она не только малость не в себе, но еще и немая? Неразговорчивый наемный убийца – выгодное вложение капитала!

...Устроив поудобнее ногу, которая ужасно чешется под гипсом, я продолжаю пялиться в окно. За окном безлунное небо в крапинках звезд.

Мне уготована еще одна бессонная ночь. Надеюсь, ее я перенесу легче, чем предыдущую. Вс,таки днем я сумела выспаться. Ветер шелестит занавеской, все так мирно, спокойно, что глаза мои закрываются.

Я вздрагиваю. Девушка на соседней кровати бормочет во сне. Она не немая! Она очень даже говорящая, причем по-французски. Готова ручаться, а кое-какие познания на сей

счет у меня имеются, что родом она из континентальной Франции, а не из Квебека, где каждый канадец по гражданству мнит себя французом по духу. Теперь у «Детективного агентства Балдмэна» есть косвенные доказательства того, что киллер явилась в Локвуд издалека. Что это дает? Мне – ничего. Насчет мистера Балдмэна – не уверена.

Соседка утихает, а я ворочаюсь в нетерпении: скорей бы утро, придет Колмен, и я поделюсь своим открытием. Мерно тикают часы на столике, а я не могу их пришпорить. С рассветом сон наваливается на меня, и я засыпаю.

– Пора принимать лекарство.

Я открываю глаза. Надо мной медсестра, ее белая униформа спросонья кажется ангельским облачением. В руке медсестры листок бумаги, на нем желтая капсула. Я покорно глотаю ее. Вкус отвратительный.

Потом сестра будит Шпильку, и протягивает ей целую горку таблеток. Та запивает их водой, не проронив ни звука. Продолжает играть немую.

Мы остаемся одни. Сон возвращается, а вырывает меня из его объятий опять же медсестра. Что-тоони зачастили. Девушка сует мне под мышку градусник и поворачивается к соседке по палате. В ее руках шприц.

Шпилька смотрит на медсестру и улыбается. Сегодня ее улыбка мне совсем не нравится, не нравятся и глаза, с которых будто сдернули пелену. Я передергиваю плечами, градусник вываливается на одеяло. С притворным стоном я са-

жусь на кровати, сбрасываю ноги, встаю. Стоять неудобно, гипс мешает. Электрошокер остается под одеялом.

Шпилька протягивает руку локтевым сгибом кверху. Медсестра давит на поршень, удаляя воздух из шприца. Из иглы вырывается струйка жидкости.

Я делаю шаг, путаясь коленями в ночной рубашке, хватаю с тумбочки вазу и разбиваю ее о голову медсестры. Женщина падает вся в воде и цветах.

– Soeur! – кричит Шпилька.

– На помощь! – кричу я, хотя совсем не уверена, что она прибудет по моему зову.

Но она прибывает: в палату врываются Балдмэн и Дик. Пока шеф вяжет руки медсестре, Колмен занимается Шпилькой. Несмотря на травмы, моя соседка так извивается, что Дику приходится наложить руки на ее горло и чуть-чуть сдавить. Шпилька затихает и позволяет спеленать себя бинтами.

– Как ты догадалась? – спрашивает Балдмэн.

– В военный госпиталь не берут на работу иностранцев, а эта медсестра поставила мне градусник под мышку. Так делают в Европе, у нас в Штатах градусник принято брать в рот.

– Ее хотели убить, – говорит шеф, имея в виду Шпильку.

– Но она подставила руку! И улыбалась. И назвала по имени – Soeur.

– Это не имя, Дженни. Soeur по-французски – сестра.

– Они сестры!?

– Но не милосердия.

– Как же... Она ведь сама...

– Такое ремесло! Родственные чувства тут значения не имеют. Киллер «работает» без права на ошибку, а совершив ее, расплачивается жизнью. Эти дамы знали, что полицейские рано или поздно явятся сюда, чтобы задать свои вопросы, и вопросы эти будут совсем не о том, как сверзиться в ущелье Злых Духов и при этом уцелеть.

– Значит, одна сестра пришла, чтобы убить, а другая была готова к тому, что ее убьют?

– Именно.

– А откуда взялись вы?

– Только что приехали. Навестить. И вдруг твой крик. Дженни, я же просил ни во что не вмешиваться!

– По-твоему, я могла допустить, чтобы ее убили?

В коридоре шум, топот. Балдмэн открывает дверь и выглядывает в коридор.

– Охрана.

Он возвращается к постели Шпильки и спрашивает:

– Тебя нанял Джованни Кроче?

– Она француженка, – говорю я.

– Тварь! – бросает Шпилька на сносном английском.

Я не успеваю по-настоящему расстроиться из-за своей ошибки, а комната уже полна людей в военной форме.

– Кто вы такой? Что вам здесь надо? – спрашивает один

из них шефа.

– Я навещаю свою сотрудницу, – невозмутимо отвечает он. – А также, будучи главой «Детективного агентства Балдмэна», иногда ловлю убийц. Кстати, вот два прелестных экземпляра. Та, что в бинтах, застрелила пять человек у Черного озера, а другая красавица хотела «зачистить» ее. Чтобы не сболтнула чего ненароком. И «зачистила» бы, да ваза помешала. И мисс Хоуп.

Охранник качает головой то ли одобрительно, то ли осуждающе, и теряет к нам всякий интерес.

Нам тоже не до него, потому что появляется милый доктор и начинает снимать с меня гипс. Много времени это не занимает.

Став легкой на ногу и упрятав электрошокер на дно свой сумки, я в сопровождении Балдмэна и Дика выхожу в коридор, где и говорю сокрушенно:

– Шеф, это я виновата, да?

– В чем?

– Как в чем? А задание Фрэнка Барези? Она же вам ничего не сказала.

– В полиции расколется.

– А если будет молчать?

– Ну, это вряд ли, – шеф легкомысленно машет рукой и направляется к выходу.

Я догоняю его:

– Но теперь-то вы будете доверять мне серьезные дела?

Мистер Балдмэн достаёт сигару и смотрит на меня исподлобья:

– Только наведите порядок в картотеке, мисс Хоуп. За время вашего отсутствия накопилось много неоприходованных трупов.

Моего локтя касаются пальцы Колмена.

– Не знал, что ты такая, Дженни.

– Какая? Симпатичная и неглупая? Ну, так ты не ошибся: я такая!

Настроение мое становится чудесным, и расставаться с ним ближайшее время я не намерена.

Глава 4

Ценный «источник»

Я сидел, курил, отдыхал. Ну, и думал немножко.

Думал я о Колмене и Дженни. Но больше о Дженнифер Хоуп. Хорошая девочка! Что умная, это я и раньше знал. И память на зависть. Как она про генерала Гранта выдала? С ходу! А у меня только банальности из Лафонтена в голове, и то не в полном объеме. Наверное, это из-за отсутствия места. Кто-то где-то писал, что мозг наш подобен чердаку, только у одних он захламлен, а у других все разложено по полочкам. У меня – первое, у Дженни – второе. А кто писал-то?

Я наклонился к интеркому.

– Дженни?

– Да.

– Что с картотекой?

– Все в порядке.

– Замечательно. Ты вот что...

– Да, шеф? – голос секретарши зазвенел от напряжения.

– Кто говорил о чердаке, бардаке и голове?

– Конан Дойл.

Ответила Дженни после запинки и совсем другим тоном. Она, видно, надеялась, что я наконец-то оценил ее действия

в госпитале по достоинству и сейчас дам ей новое, еще более ответственное, прямо-таки опаснее некуда задание. И вдруг такое фиаско! Оттого и запнулась, потому и голос изменился. Не умеет еще проигрывать. И ждать не умеет, терпеть. Это – минус. А все же хорошая девочка. Смелая! Это многое искупает.

– Спасибо, – поблагодарил я и не попросил сварить кофе. Это было бы чересчур.

Я еще посидел, подумал, то и дело поглядывая на часы. Секундная стрелка медленно описывала круги. Минутная делала это еще неохотнее. Часовая, казалось, вообще впала в летаргический сон. И все же время шло, и час, назначенный Дженкинсом, приближался.

Я позвонил ему из фойе госпиталя. Позвонил по номеру, который знали немногие, и потому благополучно миновал коммутатор и последний бастион – секретаря, фильтровавшего звонки в приемной самого высокого начальника в Главном полицейском управлении Локвуда.

– Привет, Уилл. Надо встретиться.

Дженкинс не стал задавать лишних вопросов. Кто звонит – он понял. Что надо встретиться, очень надо – понял тоже.

– Где? – спросил он.

– Выбирайте сами.

– Вы знаете закусочную «Морской конек»? Это в порту.

– Дрянное местечко.

– Потому и предлагаю.

– Когда?

– Через три часа.

– Пораньше никак?

– У меня совещание.

– Буду ждать.

Вот я и ждал. Когда стрелки часов смиростивились и показали, что пора прекращать бездельничать и отправляться в дорогу, я поднялся и надел шляпу.

В закутке у картотеки о чем-то ворковали Колмен и Дженни. При виде меня они замолчали. Ричард отвел глаза, а девушка потупилась и покраснела.

– Я позвоню, – сказал я и, не вдаваясь в объяснения, удалился.

Пока добирался до порта, я улыбался: похоже, у Дика открылись глаза на истинное сокровище нашего детективного агентства. Долго же ему пришлось соображать. Я, например, давно понял, что мисс Хоуп порядком надоело быть незамужней дамой, и она совсем не против стать миссис Колмен. А что, хорошая выйдет пара!

Припарковав «форд» на соседней улочке, минуту спустя я уже был в «Морском коньке». Там я заказал себе пива и сел в самом темном уголке, подальше от бара.

В зале было пусто, бармен сомнамбулически протирал стаканы. Да, отметил я, Дженкинс выбрал неплохое местечко. Кое-чему он все-таки научился.

Прошло с четверть часа, прежде чем дверь закуточной от-

крылась, и в баре появился мужчина в мятом твидовом пиджаке, джинсах, темных очках и бейсбольной шапочке, козырек которой был надвинут на самые глаза. Мужчина не стал ничего заказывать, а сразу прошел к моему столику.

– Рад вас видеть, Уилл. Как жена? Как дочь?

– Все нормально, спасибо.

Уилфред Дженкинс посмотрел на часы. Он торопился, и я не осуждал его за это. Будучи главой Центрального полицейского управления Локвуда, он всегда тонул в текучке. К тому же, я не был его приятелем, с которым приятно потрепаться и попить пивка. Нас связывали исключительно деловые отношения. И еще его обещание...

Когда я приехал в Локвуд, у меня были кое-какие связи только в криминальных кругах. Мне же требовался и свой человек в полиции, причем фигурант с положением.

Я аккуратно навел справки и выяснил, кто из копов уже работает на мафию (таких оказалось немало) и кто еще не замаран, но в принципе готов замараться, если его услуги будут соответствующим образом оплачены. Я уже готов был заключить взаимовыгодный союз с одним потенциальным взяточником, но тут разразились выборы, в штате сменилась власть, и в полицейское управление Локвуда пришел ставленник нового губернатора-демократа, его друг детства и активный участник предвыборной кампании Уилфред Дженкинс.

Романтик и идеалист, он заявил, что покончит как с ор-

ганизованной преступностью, так и с коррупцией. Не разобравшись в соотношении сил, он даже замахнулся на Кроче и Барези, но те окружили себя сворой адвокатов, и Дженкинсу пришлось довольствоваться десятком-другим «солдат», которых доны сами же отдали на заклятие, лишь бы полицейские отстали от их «семей». Дженкинс подергался еще немного... и поумнел, сбавил обороты. Но что касается изменников в стенах собственного Управления, тут он отступить был не намерен. По малейшему подозрению полицейских изгоняли со службы. Некоторые пытались сопротивляться, даже подавали судебные иски с требованием восстановить в должности, звании, а также компенсировать моральный ущерб. Кое-кому удалось победить, добиться своего, но это была Пиррова победа. Им все равно пришлось уйти, потому что дурная слава успевала за это время накрепко присосаться к ним. Ко всему прочему, Уилфред Дженкинс не любил проигрывать, а создать для подчиненного невыносимые условия на службе, что может быть для начальника проще?

Короче, через несколько месяцев ряды полицейских сильно поредели, что сказалось на уровне преступности в городе: кривая уверенно карабкалась вверх. Ничего удивительного: большинство уволенных и «добровольно» покинувших свой пост не только получали «отступные», но с разной степенью добросовестности все же выполняли свою основную работу. Если всех выгнать, кто преступников ловить будет?

Я наблюдал за этим избиением младенцев, и ждал, когда Дженкинс устанет. А он все не уставал... Меня это бесило, потому что я никак не мог заполучить «крота» в Управлении. Того полицейского, на которого я имел виды, уволили в числе первых. Я подобрал другого кандидата во взяточники – его вышибли во вторую очередь. А вскоре и вовсе глаз остановить стало не на ком, потому что в центральном аппарате Управления полиции остались или действительно честные служаки, или непроходимые тупицы, которые умели тянуться перед начальством, печатать шаг на парадах в День благодарения, но никак не вести двойную игру.

Было, от чего расстроиться. В таких расстроенных чувствах я и отправился как-то за город, к Черному озеру, полный желания искупаться, позагорать и забыть на время о мафии, мужьях-рогоносцах, сбежавших отпрысках и «бесчинствах» Уилфреда Дженкинса.

И надо такому случиться, что именно там, у озера, я с ним столкнулся лицом к лицу.

Обстоятельства нашего знакомства с полной ответственностью можно назвать драматическими. Если бы не моя профессия и немалый жизненный багаж, я бы счел их даже трагическими.

Я сидел в привезенном с собой шезлонге, нежился на солнышке и любовался неподвижной водной гладью. Я отдыхал, окутанный сигарным дымом и музыкой, пробивающейся сквозь деревья. Если бы это были не «Битлз», к которым я

отношусь терпимо, а что-нибудь другое, я бы наверняка забрался в автомобиль и отправился на поиски более укромного уголка, а так я даже получал удовольствие.

Потом музыка смолкла, и почти сразу за этим я услышал характерный треск. Эксперты, обнаружив пакетик с порошком в кармане доходяги-наркомана, только что зарезавшего родную тетушку и забрызганного ее кровью, вынуждены писать в протоколе о «кристаллах белого цвета» и «бурых пятнах, похожих на кровь». В моем случае следовало бы написать: «Треск, напоминающий выстрел».

Я прикинул, стоит ли мне вмешиваться (наверное, не стоит), но все же поднялся и пошел по тропинке туда, где, как я знал, находится домик, в котором отдыхают от трудов праведных смотрители национального парка.

Перед крытым веселой красной черепицей домиком былолюдно. Кто-то рыдал, кого-то трясло... Внизу, у самого берега был разложен костер, рядом с которым лицом вверх лежал юноша с дыркой в голове.

– Полицию вызвали? – спросил я мужчину, застывшего у костровища.

Он повернулся, и я узнал Уилфреда Дженкинса.

– Я сам – полиция. А толку?

Дженкинс был растерян, потому и говорил по простому, не заботясь о своем реноме.

– Мертв? – задал я следующий вопрос.

– Да, – сказал полицейский и встрепенулся: – А кто вы,

собственно, такой?

– Гарри Балдмэн, детектив из Локвуда.

– Я вас не знаю.

– Частные сыщики не по вашему ведомству.

– Что вы тут делаете?

– то же, вероятно, что и вы. Отдыхаю. Хотя правильнее употребить прошедшее время.

Полицейский согласно кивнул:

– Какой уж теперь отдых...

– Что здесь произошло?

– Разве вы не видите? Убийство.

– Я вижу убитого. А кто убийца?

– По-видимому, моя дочь.

– Вы уверены?

– Она его ненавидела. Я не в курсе деталей, но она говорила, что готова убить его, раздавить, как мерзкое насекомое! Но я не придавал этому значения: в молодости мы все максималисты, переживаем из-за пустяков, разбрасываемся словами. – Полицейский внезапно схватил меня за руку и зашептал: – Послушайте, Балдмэн. Проведите расследование! Здесь! Сейчас! Немедленно! Я наделяю вас всеми необходимыми полномочиями. Потому что я не верю, что Ненси...

Он готов был заплакать. А я не люблю, когда мужчины плачут. Меня это смущает. Поэтому, носком ботинка выковыряв из золы почерневший кусок черепицы и откинув его в сторону, я сказал со вздохом:

– О'кей, я попробую. Тогда начнем с вас.

Сбиваясь и по-школярски старательно вспоминая детали, Дженкинс рассказал, что здесь, на берегу озера, они решили устроить небольшой пикник. «Они» – это несколько семей-соседей с Тисовой аллеи. Выехали всем составом – с детьми и собаками.

– У всех нас взрослые дети, – говорил полицейский. – И все они учатся в университете Локвуда. Понимаете?

– Конечно. Собаки бывают большими и маленькими, злыми и не очень, а дети – студентами.

– Вы шутите, – сказал Дженкинс. – Рядом с покойником. Как вам не стыдно!

– Больше не буду, – легко повинился я. Не объяснять же демократу-назначенцу, что на своем веку я перевидал столько мертвецов, что отношение у меня к ним несколько иное, чем у других граждан. Быть детективом и не стать циником очень трудно, почти невозможно.

– Вот вы сказали – злые... – продолжил полицейский.

– Это я о сучках, о кобельках.

– А я о детях! Нет, они не злые, но они ни в грош не ставят моральные принципы нашего поколения. Мы сами ходили в битниках, протестовали против войны в Корее, но сейчас творится просто бог знает что. Ладно, они живут отдельно, они насмешничают и слушают эту ужасную музыку. Но при этом исправно клянчат у нас деньги! И чем больше попрошайничают, тем сильнее их желание всегда и во всем дей-

ствовать поперек и вопреки.

– Это смотря, что вы требуете взамен материальной помощи.

– Ничего особенного мы не требуем. Ни покорности, ни послушания. Мы хотим самой малости – оставаться семьей. Ведь мы, американцы, всегда гордились крепостью семейных уз. В этом сила нашей великой страны!

– Но иногда вы опускаетесь до шантажа, – отметил я. – Потому что только так вы смогли выманить детишек из студенческого кампуса и привезти сюда, на природу.

– Я бы не назвал это шантажом, хотя по сути вы правы. Но мы тоже кое в чем уступили, например, чтобы они пригласили с собой друзей. Этот мертвый юноша – один из них. Его зовут Курт Габер, он из Миннеаполиса. Он ехал в моей машине... – Полицейский поехал. – Мы остановились вон там, на взгорке, у домика лесничих. Затеяли барбекю. Молодежь побежала купаться. Потом мы увидели дым костра. Оказалось, дети решили и здесь быть наособицу. Утащили на берег часть провизии, включили музыку на полную громкость и затеяли свои кривляния, которые почему-то называются танцами. Мы не стали им препятствовать. Кому нужен скандал? Выяснение отношений? Взаимные оскорбления? Мы были довольны уже тем, что они все-таки поехали с нами. Потом мы услышали выстрелы. Я побежал сюда и... вот.

– Мне нужно поговорить с молодежью, – сказал я.

– Да, конечно, – Уилфред Дженкинс понурился и побрел к домику парковых зрителей.

Первым из юной поросли, с кем я побеседовал, был Брет Смит, высокий блондин с прической «жуком». Не исключено, записи «Битлз» принадлежали именно ему.

– Я ничего не видел, – с места в карьер заявил он. – Мы были с ним у костра, жарили сосиски. Потом я ушел купаться, а Курт остался. Я только-только окунулся, как прозвучали выстрелы. Когда прибежал, все уже было кончено. Курт лежал у костра, из его головы текла кровь...

– У него были враги?

– Сколько угодно!

Мои брови вопрошающе поползли вверх. Учитывая обстоятельства, это было смелое заявление.

– О мертвых не принято говорить плохо, но это все равно станет вам известно – не от меня, так от других. Курт ни к чему не относился серьезно. В его иронии было много злости. Он развлекался, делая гадости. Мне кажется, только от этого он и получал удовольствие. Но ему все прощалось, потому что он был незаурядной личностью. И всегда искренне раскаивался.

– Что не мешало ему вновь пускаться во все тяжкие, – подхватил я. – Среди присутствующих есть пострадавшие от его шуток?

– Почти все. Я – не исключение.

– А если подробнее?

Блондин сжал губы.

– Расскажите, – посоветовал я. – Вы правильно сказали: мы все равно узнаем, так что уж лучше сами...

Смит коротко взглянул на меня и заговорил после паузы:

– Курт подговорил своего знакомого актера позвонить Ненси, моей девушке, представившись антрепренером бродвейского театра. Якобы он увидел ее в студенческом спектакле, совершенно очарован ее талантом и потому хочет предложить ей роль в комедии Шекспира «Двенадцатая ночь». Разумеется, Ненси обрадовалась, загорелась. А потом... Он опоил ее какой-то дрянью, чтобы сфотографировать в самом nepотpeбнoм виде.

– Фотографии прислали вам.

– Да. Такой же конверт получила Ненси Дженкинс. Она была раздавлена и унижена. Я успокаивал ее, но трещина между нами становилась все шире. Потом она сказала, чтобы я ни на что не рассчитывал, что мы просто друзья – и такими останемся.

– Как вы догадались, что тут замешан Габер?

– Он сам признался.

– То есть?

– Курт напомнил наш разговор, в котором я посоветовал, что не могу поручиться за крепость наших с Ненси отношений, что вот если бы существовал некий тест... В общем, он, якобы, хотел как лучше.

– Вы поверили?

– У меня не было доказательств его злого умысла.

– Но подозрения на сей счет были?

Смит отвел глаза и нехотя сказал:

– Были.

– А Ненси было известно, кто являлся организатором провокации?

– Я ей не говорил. Но, думаю, она каким-то образом все узнала.

Я достал сигару, повертел ее в пальцах и сунул обратно в карман.

– Значит, вы пошли купаться, а Габер остался у костра, так? Он не выказывал признаков беспокойства, нервозности?

– Нет. Мы говорили о побеге Стива МакДермота из тюрьмы Локвуда, потом я направился на лодочный причал, он вон там, за деревьями. Вы не знаете, этого маньяка МакДермота еще не поймали? Это верно, что он оставляет на месте преступления выложенные полукругом стреляные гильзы? Говорят, он прячется где-то в этих местах.

– Говорят... Но у костра гильз нет.

Брет Смит опустил глаза, словно увидел под ногами что-то безумно интересное.

– Что ж, – сказал я. – Благодарю за помощь.

– Мне позвать Ненси?

– Нет, давайте покончим с сильным полом.

На слове «покончим» Брет Смит вздрогнул, но ничего не

сказал. Понял, должно быть, что это я без задней мысли, обмолвился просто. Вырвалось.

Место высокого блондина занял сублильного вида подросток в очках, назвавшийся Джимом Деррелом; его родители тоже жили на Тисовой аллее.

С Деррелом я повел себя иначе, сразу спросив, не является ли он, часом, еще одной жертвой злой фантазии Курта Габера. Выяснилось, что не более как месяц назад Джим познакомился с очаровательной девушкой, влюбился без памяти, а она на поверку оказалась проституткой, выполнявшей необычный, но денежный заказ: ей было предложено соблазнить паренька, уложить в постель, а потом выдать правду о себе. Как позже объяснил Габер, он хотел развеять розовые грезы приятеля, наглядно продемонстрировать, что от женщин можно ожидать любого предательства, что по натуре все они гулящие девки, а разница между ними лишь в цене, которую они требуют за свое расположение. Одни продаются за двадцать долларов, а другим подавай тысячи, да еще обертку в придачу – стильную одежду, машину, бунгало на островах и брачный договор о совместном владении имуществом, чтобы при разводе обобрать до нитки.

– Жестокий урок, – оценил я. – Вы не обиделись на Габера?

– На что тут обижаться? – печально произнес Деррел. – Он прав. В этом мире нет места мечтателям.

Следующим моим собеседником стала Глория Дарк, по-

дружка Ненси, приехавшая учиться в Локвуд из маленького городка Бичстоуп к югу по побережью. О покойном Глория отзывалась восторженно, потому что над ней он еще подшутить не успел. Как свидетель она интереса не представляла, чего нельзя было сказать о разбитной брюнетке, затараторившей с немислимой скоростью:

– Мы купались. Хохотали, пели и орали изо всех сил, чтобы позлить родителей, у нас это любимое развлечение. Потом из причала появился Брет, разделся и прыгнул в воду. Сказал, что мясо скоро будет готово, Курт позовет нас. Тут выключился магнитофон. Брет поплыл к берегу, чтобы сменить пленку, и в этот момент мы услышали выстрелы. Я сначала совсем-совсем не испугалась, но потом закричали родители – и мои, и Ненси, и Смита с Деррелом. Скажите, а Курт сразу умер или помучился?

– Сразу, – сказал я, гадая, огорчит ли мой ответ брюнетку.

– Какой ужас! – девица приложила ладони к щекам и попыталась всплакнуть, однако ей это не удалось.

– Истинная правда, – согласился я.

– Теперь Ненси?

– Не стоит.

Я раскурил сигару и направился к дому лесничих, размышляя о том, куда мог деться пистолет, из которого застрелили Габера. Придется, видно, вызывать водолазов. Пускай поищут около лодочного причала.

Меня встретили настороженными взглядами. Уилфред

Дженкинс обнимал за плечи юную особу, которая явно не могла быть его женой: слишком молода – раз; слишком похожа на отца – два; по голове девушку с материнским участием гладила женщина средних лет – три.

– Вы хотите поговорить с Ненси? – спросил Дженкинс.

– Нет, мне достаточно разговора с Бретом Смитом.

Высокий блондин затравленно посмотрел на меня и сорвался с места. Миг – и он скрылся за деревьями.

Потом я все объяснил Дженкинсу. Это оскорбленный Брет Смит убил Габера, предварительно создав себе, казалось бы, безупречное алиби. Треск расколовшейся черепицы, которую он бросил в костер, все приняли за выстрелы. На самом же деле «озорник» Курт был застрелен чуть раньше, но звук пистолетного выстрела заглушил рев магнитофона.

– Я вам очень обязан, мистер Балдмэн, – сказал глава полиции Локвуда после того, как успокоился сам, успокоил жену и немного бившуюся в истерике дочь. – Мне хотелось бы отблагодарить вас...

– У вас есть такая возможность, мистер Дженкинс.

– Если это не будет противоречить федеральному законодательству, – уточнил полицейский. – И называйте меня Уилл.

– В таком случае я – Гарри. И заметьте, не Грязный Гарри, а просто Гарри.

Дженкинс через силу улыбнулся и сказал:

– Я всегда держу свои обещания. Так чем я вам могу по-

мочь?

– Два часа частного разговора меня вполне устроят.

– И все? Что ж, с удовольствием.

Двух часов мне хватило. В кафе, где мы встретились, я представил главе Центрального полицейского управления Локвуда свое видение криминальной ситуации в городе. Он полностью согласился с моей оценкой: да, ситуация близка к катастрофической. После этого я представил ему рекомендации весьма именитых людей из Вашингтона, которые высоко отзывались как о моих способностях сыщика, так и моем моральном облике. Я мог бы представить и другие, куда более убедительные бумаги, которые у меня тоже имелись, однако решил с этим не спешить. И оказался прав: заверений вашингтонцев, сплошь демократов-юристов из ведомства Роберта Кеннеди⁷, оказалось вполне достаточно.

– Ваше стремление, Уилл, очистить Локвуд от скверны похвально, – приступил я к следующему этапу. – Однако чем дальше, тем больше вы будете сталкиваться либо с саботажем ваших сотрудников, привыкших жить в мире с мафией, либо с их непроходимой тупостью.

– Да, честных и при этом толковых людей в Управлении мало, – не стал спорить полицейский.

– Я хочу помочь вам, – сказал я. – Пользуясь своим положением частного детектива, я могу снабжать вас, лично

⁷ Брат Джона Кеннеди – Роберт, несколько лет возглавлял Министерство юстиции США

вас, информацией о планах мафии и о виновниках уже совершенных преступлений.

– Гарри, как добропорядочный гражданин вы обязаны это делать! – воскликнул Уилфред Дженкинс. Впрочем, негромко воскликнул, видно, сознавая, что говорит что-то не то. – Ваша лицензия, между прочим, это тоже предписывает.

Я посмотрел с укоризной:

– Уилл, мало ли что мы должны. Долг – понятие растяжимое, зыбкое, каждый понимает его так, как ему выгодно. Так как вам мое предложение?

– Разумеется, я его принимаю. Но меня интересует, что в ответ попросите вы.

Я улыбнулся невинной улыбкой новорожденного:

—о же самое. Мне нужна информация.

На этот раз Дженкинс не поспешил с ответом, что не могло меня не порадовать: если бы он стал возмущаться, бить себя в грудь в праведном гневе, это бы означало, что он так же туп, как те копы, в окружении которых он проводит свой рабочий день.

Я попытался развеять его тревоги:

– Естественно, в каждом случае вы сами будете решать, делиться со мной какими-либо сведениями или нет. Это чисто деловое сотрудничество, которое вы можете прервать в любую секунду. В свою очередь торжественно клянусь, что никогда не обращусь к вам с просьбой, выполнение которой было бы равносильно измене долгу. Так, как вы его понима-

ете.

– Я должен подумать, – сказал Уилфред Дженкинс.

– Ваше право.

– Знаете, Гарри, если бы не рекомендации, я бы арестовал вас за попытку подкупа.

– Разве я предлагал деньги?

– Тогда за попытку давления.

– Разве я на вас давлЮ?

– Я должен подумать, – повторил Дженкинс.

На этом мы расстались.

Дженкинс позвонил в мой офис неделю спустя.

– Смита арестовали, – сообщил он. – Устал бегать по лесам. Сам сдался.

– Думаю, большой срок ему не грозит, – сказал я. – При умелом адвокате даже предумышленное убийство можно представить как помрачение рассудка. Жаль парня.

– И мне жаль, – признался полицейский. – Ненси все мне рассказала, и хотя я против самосуда, но поймал себя на мысли, что Габер заслужил эту кару. Не все измеряется законоуложениями, не все можно расписать по статьям и пунктам, и не всегда судьбу человека Фемида должна вершить в зале суда. Я хочу с вами увидеться, Гарри.

Так Уилфред Дженкинс стал моим «источником» в Центральном полицейском управлении города. Мы встречались нечасто и неизменно с обоюдной выгодой. Я передавал Уиллу сведения о криминальном мире Локвуда, естественно,

тщательно их дозируя, чтобы самому не попасть под удар. Дженкинс тоже оказывал мне ценные услуги, тщательно следя за тем, чтобы совесть его перед Богом и людьми оставалась чиста. Конспирации ради я звонил ему по «секретному» телефонному номеру, он мне – как клиент «Детективного агентства Балдмэна». Афишировать свои контакты нам нужды не было, напротив, мы были крайне заинтересованы в обратном, поэтому встречались в малолюдных местах, причем Дженкинс, как человек в городе известный, прибегал к нехитрой, но действенной маскировке. На прошлое рандеву, к примеру, Уилл явился в сером макинтоше и шляпе с обвисшими полями, и был так же неузнаваем, как в более легкомысленном сегодняшнем наряде. И еще одно всегда оставалось неизменным: ему было некогда...

– Гарри, у меня совершенно нет времени, – предупредил Дженкинс. – Так что покороче.

– Постараюсь, – сказал я и поведал о событиях в госпитале имени Хопкинса и сестрах–убийцах

– Я уже в курсе, – перебил меня полицейский. – Насколько я понимаю, это одна из них устроила побоище у Черного озера. Кстати, хочу напомнить, что о трупах в автомобиле вы узнали от меня.

– Я помню, Уилл.

– Но кое о чем вы все-таки забыли.

– О чем?

– О взаимопомощи, Гарри!

– Что вы имеете в виду?

– Автомобильную катастрофу в ущелье Злых духов. Мистер Балдмэн, выражаясь без обиняков, вы выкрали у моих людей главную подозреваемую! Более того, вы сделали так, чтобы ее отвезли в военный госпиталь, где у вас есть свои люди. Почему вы не доверяете мне, Гарри?

– Не вам, Уилл. Вашим людям! Ведь это так просто – лежать на койке в тюремной больнице, умереть от асфиксии, а если попросту, быть удушенной подушкой. Остановка сердца от чрезмерной дозы успокоительного тоже годится.

– Ее все равно пытались убить.

– Да, но не убили. Более того, теперь у вас в руках две дамы, которых надо заставить выдать имя заказчика. Я перемолвился с врачами в госпитале и уговорил их под благовидным предлогом поместить раненых в спецблок, якобы их нельзя перевозить. Киллерши пробудут там несколько дней. Этого должно хватить, чтобы вы тщательно подготовили их транспортировку в тюрьму и подобрали надежных людей, которые там глаз с них не будут сводить.

Дженкинс скривил губы:

– Мне кажется, вы сгущаете краски, Гарри. Конечно, в полиции хватает подлецов и мздоимцев, но там много и порядочных людей.

– Не сомневаюсь, Уилл. Но я хочу подстраховаться со всех сторон и от всех неожиданностей.

– Хорошо, Гарри, не беспокойтесь, я возьму это дело под

личный контроль. Это все, что вы хотели мне сказать?

Снова взгляд на часы.

– Не совсем, – с расстановкой произнес я. – Смерть Кардовского, налет на консервный завод в Вест-Крике, убийства «солдат» мафии, число которых растет день ото дня, теперь вот киллерши из Франции... Все это звенья одной цепи. Скоро начнется война, Уилл. Война между кланами! Пора определиться, на чьей стороне мы будем в этом потасовке. Что скажете?

– Мне кажется, нам лучше остаться наблюдателями, – усмехнулся глава Центрального полицейского управления Локвуда.

Я чуть не поперхнулся, даже пиво расплескал. Похоже, я недооценивал свой самый ценный «источник».

Глава 5

Посол с полномочиями

– Колмен? Ты что здесь делаешь?

– Гуляю.

– Так я тебе и поверил. С чемоданом!

Я ставлю чемодан на землю, складываю носовой платок, которым была обмотана ручка, и убираю платок в карман.

– Не верь.

– Все шуточки шутишь?

– Мне не до шуток. И вам, как я понимаю, тоже.

Полицейский смотрит на мертвеца:

– Ты об этом? Ну так дело-то привычное.

– Особенно последние две недели.

– Опять смеешься?

– И не думаю. Просто в последнее время Локвуд все больше напоминает покойницкую. Слишком много трупов на душу населения.

Я поднимаюсь по откосу и сажусь на прогретый солнцем рельс. Чувствую я себя прескверно, что не удивительно после кувыркания по железнодорожной насыпи и часового забега по пересеченной местности – сначала налегке, а потом с чемоданом. Камни в нем, что ли? Я хотел было заглянуть,

да поостерегся. Вдруг бомба?

– Колмен, я ведь серьезно!

– И я серьезно.

Далеко не все полицейские дураки, но этот из меньшинства. С тех пор как Гарри Балдмэн пригред меня в стенах своего сыскного бюро, я успел познакомиться со многими полицейскими Локвуда, в том числе с главой Центрального управления Уилфредом Дженкинсом.

Истинный демократ Дженкинс раз в год устраивает бал для всех, кто хранит или хотя бы пытается охранять порядок в Локвуде. На этот бал приглашаются и частные детективы. Гарри Балдмэн непременный их участник, а в этом году с ним отправился и я. Там, в переполненном зале, зажав в левой руке бокал крюшона, я и поручкался с мистером Дженкинсом. Даже обменялся с ним парой слов! Вот так, по простому. Я же говорю, Уилфред Дженкинс у нас демократ! Жаль, закону это не на пользу.

– Что ты тут делаешь?!

– Сижу!

Встречался я и с этим придурком. И это не оскорбление, а констатация факта. Потому что только законченный идиот может клюнуть на дешевую приманку в виде грудастой шлюхи, затащить ее к себе домой, накачаться виски и разболтать, когда из спецблока госпиталя имени Хопкинса будут перевозить в тюремную больницу двух очаровательных сестричек, по профессиональной принадлежности и склон-

ности души – киллеров. В результате на конвой было совершено нападение, и девушки упокоились вечным сном. А ту шлюху с безразмерным бюстом на другой день нашли мертвой на городской свалке.

Любителя «клубнички» быстро вычислили и перевели в патрульные. Хотели уволить, но пожалели, тем более что никто из конвоя серьезно не пострадал, касательные ранения не в счет. Дженкинс, надо заметить, в последнее время стал славиться своей сердобольностью, хотя прежде в этом уличен не был. Что характерно, это милосердие ощутимо сказывается на его репутации, так как, согласно общественному мнению, главный полицейский города должен быть жесток и даже кровожаден. Справедлив – не обязательно.

После нападения был большой шум, но мало-помалу все стихло, почти забылось. И только Гарри Балдмэн все так же кипел от ярости и ругался последними словами. Я ему вторил. Правда, причины для «загрязнения» пространства у нас были разные: шефа приводило в исступление то, что он лишился возможности выполнить заказ Фрэнка Барези; меня – оказавшейся напрасной отвага нашей Дженни.

Дженни показала себя молодцом. Не ожидал. И в том себя не виню. Потому что секретарше, даже если она служит в сыскном бюро, не пристало проявлять проницательность и рисковать жизнью; ее дело бумажки перебирать и отшивать безденежных клиентов.

Я был категорически против участия мисс Хоуп в опера-

ции, предложив свою кандидатуру. Увы, предложение мое было отвергнуто Балдмэном как не выдерживающее никакой критики. В госпиталь отправилась Дженни, и с великолепным изяществом справилась с заданием.

В распоряжении следствия появились две бесценные арестантки, которых оно вскоре лишилось из-за похотливого павиана в полицейской форме. Ирония судьбы, однако.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.